

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Р49

Рид, Ребекка.

Р49 Идеальные лгуны / Ребекка Рид ; [пер. с англ. В. Гольдича, И. Оганесовой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-101025-6

Шестнадцать лет назад лучшие подружки Нэнси, Джорджия и Лила совершили нечто кошмарное.

С тех пор они неразрывно связаны тайной. Обетом молчания. Теперь одна из них решила заговорить.

Одно только слово – и все будет разрушено: карьера, отношения, идеальная жизнь. Чтобы решить проблему, Джорджия устраивает дружеский ужин. Но внезапно вечеринка выходит из-под контроля...

Три подружки придут на ужин. Уйдут с него только две.

**УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44**

© Copyright © Rebecca Reid, 2018. First published as **Perfect Liars** by Transworld Publishers, a part of the Penguin Random House group of companies.

© Гольдич В., Оганесова И., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-101025-6

Пионы уже отцвели, и попытки их найти превратились в настоящий кошмар. А еще они были очень дорогим удовольствием — вдвое дороже почти любого другого цветка. Но она любила их больше остальных, и подобные мелочи не имели значения. В конце концов, такое событие бывает лишь однажды, и все должно пройти идеально.

Казалось, все одновременно вздохнули, когда двери в задней части церкви распахнулись, наполнив ее ледяным воздухом. Орган начал натужно исполнять знакомую песню, которую они пели тысячу раз: в школе, на свадьбах, куда ходили, чтобы заполнить выходные, и на крестинах, неизбежно следовавших за свадьбами.

Единым движением они поднялись на ноги. Блестящие туфли на деревянных половицах, неловко втиснутые между узкими церковными скамейками. Когда в последний раз кто-то из них бывал в храме?

Двести глаз обратились к входу.

Сначала священник.

За ним мужчина с бледным лицом и плохо завязанным галстуком.

Потом гроб.

Невозможно поверить, что она находится внутри этой коробки, ведь еще совсем недавно она казалась такой настоящей и живой, и могла быть здесь, с ними, однако ее тут не было.

Невозможно не думать о том, как она выглядит. Одобрив бы одежду, которую они для нее выбрали? Эту проблему тоже пришлось решать им самим — от нижнего белья до любимых туфель на невероятно высоких каблуках и тонкой золотой цепочки на шее, — все остальные категорически отказались.

Процессия двигалась медленно. Наконец музыка стихла. Гроб опустили.

Все сели.

Совсем неплохо для утра среды. Около сотни человек, все в аккуратной черной одежде. Зимние пальто нуждаются в химчистке. Черные платья, живущие в дальних частях шкафов, немного жмут в рукавах. Темные рабочие костюмы. Белые рубашки. Галстуки.

Они выбрали хорошую фотографию для прощальной службы, но испытали крайне неприятные чувства, когда изучали ее социальные сети, просматривали снимки со свадеб, праздников и вечеринок, пытаясь найти такой, где она выглядела бы здоровой и счастливой. Но оно того стоило, потому что они нашли такое фото, и оно поддержало ложь, в которую верили собравшиеся в церкви. Какое потрясение. Какой трагический несчастный случай.

Как долго продолжаются подобные мероприятия? Наверняка не больше часа?

И сколько времени им придется оставаться в церкви после окончания церемонии, неумолимо жестокой и мрачной? Все элементы вечеринки — приличная еда и хорошая выпивка, — но никакого веселья. Несправедливо собирать людей, которые не видели друг друга со времен последнего значительного события, а потом заставить их чувствовать себя виноватыми за смех.

Они слишком молоды для этого.

И всегда остается вопрос, что следует говорить. Обычные вещи в таких ситуациях не работают. Никто не может

сказать, что она прожила долгую жизнь, а в конце не испытывала боли. Трудно найти слова утешения.

Даже назвать ее смерть трагедией будет не совсем правильно. Никакого несчастного случая, который можно обсудить, никакой болезни, чтобы свалить на нее преждевременную смерть или хотя бы упомянуть в приличной компании.

Все прозвучит неправильно. Любая банальность будет выглядеть как обвинение — как если бы кто-то виноват в том, что ее больше нет. Словно они могли что-то сделать. Словно смерти можно было избежать.

ТЕПЕРЬ

Джорджия

Она заметила на гладкой поверхности ногтя указательного пальца маленький скол. Однако шеллак не должен скалываться. Ноготь выглядел безупречно, когда она вышла из салона, в противном случае она бы заставила начать все заново. Но она каким-то образом умудрилась испортить маникюр, уже выйдя оттуда. Конечно, Нэнси это заметит. Она возьмет ее руку, делая вид, что восхищается обручальным кольцом, а потом приподнимет брови и улыбнется. Собственные ногти Нэнси будут в идеальном порядке. Темно-красный, почти черный лак, как и всегда.

Недовольная Джорджия засунула пальцы в миску с мясом, луком и шалфеем. «Интересно, будет ли кто-то это есть, — подумала она. — Конечно, не Лила». В последнее время Лила сидела на жидкой диете — диетическая кола днем и вино вечером. Что все чаще приводило к слезам, рвоте и словам, которые она никогда бы не произнесла вслух при других обстоятельствах. Джорджия начала тревожиться, что причина диеты в меньшей степени заключена в желании избавиться от лишнего веса после родов и в большей — в том, что происходило у Лилы в голове.

Скоро они будут здесь. Ей бы следовало закончить приготовление еды к их приходу, чтобы дом наполнился аппетитными запахами. Но она уже поняла, что не успеет сделать все вовремя, если только они не опоздают. Ей

не следовало делать тест сегодня. Считается, что на него уходит всего три минуты, но эта неприятная процедура всегда затягивается. Ожидание, мытье рук, опять ожидание. Звонок Чарли — ей приходится делать вид, что она не замечает укора в его голосе, когда он спешит закончить разговор, ему нужно бежать с одной встречи на другую, втиснув тошнотворное разочарование между клиентами. Каждый раз одно и то же.

Впрочем, Джорджия знала, что Нэнси Грейдон никогда не опаздывает. Она приедет прямо из аэропорта, и вылет не посмеют задержать, если она находится на борту. Все в ее жизни, от аккуратной короткой стрижки, которую она делает с тех пор, как ей исполнилось двадцать пять, до лакированных туфель, всегда в идеальном порядке. Вовремя. Точно.

Ну хотя бы кухня выглядит хорошо. Чарли пришел в ужас, когда Джорджия начала кампанию по превращению половины нижнего этажа в огромную гостиную с открытой планировкой. Но сейчас, когда сумеречный свет проникал внутрь через огромные двустворчатые окна, а стол был накрыт на шесть человек и украшен цветами, свечами и накрахмаленными льняными салфетками, никто не сможет поставить под сомнение ее вкус. Даже подруги. Джорджия, стипендиатка в подержанной школьной форме и в туфлях, которые она носила в начальной школе, давно умерла и похоронена.

Звук поворачивающегося в замке ключа отвлек ее от этих мыслей. Она стряхнула мясо с рук и повернулась к раковине, открыла локтем кран и принялась поспешно мыть руки под теплой водой. Неужели Чарли пораньше ускользнул с работы, чтобы помочь ей подготовиться к приходу гостей? Она почувствовала, как уголки ее рта растягиваются в улыбке. Иногда он бывает таким милым.

— Джи? Это я, — послышался из коридора хриплый голос Лилы Брир. — Извини, что пришла раньше.

Прежде с Лилой никогда такого не случалось. Она неизменно и всюду опаздывала, и Джорджия не встречала людей, которые делали бы это так часто. Что происходит? Неужели миссис Брир решила перевернуть новую страницу своей жизни в тот момент, когда Джорджия пригласила Нэнси из Бостона, чтобы немного привести ее в чувство?

Джорджия дала Лиле набор ключей от своего дома в качестве жеста доброй воли — к тому же подруга жила в десяти минутах езды от нее. Они договорились, что ключи нужно использовать в крайнем случае, а не для того, чтобы проникать в дом в тот момент, когда Лиле захочется, — но, похоже, она так ничего и не поняла. Хозяйка улыбнулась гостье и открыла объятия.

— Я думала, вы с Ру приедете к восьми.

В последний раз Джорджия виделась с подругой две недели назад. Но с тех пор та заметно изменилась. Возможно, заболела? Ее руки и ноги всегда были длинными и мускулистыми, однако лицо теперь стало худым. Загар, который можно получить, только если проводить восемь недель отпуска под горячим солнцем, еще не сошел, но кожа приобрела желтоватый оттенок. Джорджия не помнила, чтобы Лиля хотя бы раз выглядела так отвратительно за все время их знакомства.

Она смотрела, как подруга подтягивает джинсы, которые прежде обтягивали ее, точно кожа, а сейчас висели на бедрах. Белая блузка, задуманная быть свободной и легкой, соскользнула с угловатого плеча.

— Я помню, извини, что преподнесла тебе сюрприз, но я проезжала мимо, а Ру пришел домой пораньше, чтобы договориться с няней и все такое. В любом случае я хотела поговорить с тобой наедине, пока не пришли остальные. Ты не против? — Лицо Брир сморщилось, и на одно короткое ужасное мгновение Джорджия подумала, что она заплачет. — Я кошмар? Мне уйти? Если хочешь, я вызову

«Убер», и никаких проблем. Я уеду, а потом вернусь — мне так и следует поступить?

Да. Следует. Прийти раньше — значит приехать в семь сорок пять, когда тебя пригласили на восемь, а не заявляться в шесть, когда руки хозяйки испачканы в мясе, а на платье-рубашке кофейные пятна.

Она уже собралась произнести эти слова, но несчастный взгляд Лилы, направленный ей в лоб, заставил сердце сжаться.

— Не глупи, все в порядке. Ты даже можешь немного помочь.

Гостя сразу оживилась.

— Кстати, ты такая милая, — сказала она, следуя за подругой на кухню. — Взять выходной, чтобы приготовить обед для ее высочества. Но с чем связан ее визит? У нас неприятности?

Джорджия постаралась задержать улыбку, рассчитывая, что увлажняющий тональный крем скроет краску на ее щеках.

— Разумеется, нет. И я взяла выходной не для нее, у меня он образовался сам по себе.

— Почему? — спросила Лиля, направляясь в сторону кухни.

— Сегодня офис закрыт. Какие-то тренинги.

Офис был закрыт из-за тренинга персонала; просто повезло, что сегодня можно остаться дома. Так звучала официальная линия партии. Джорджия заставила Чарли потренироваться сегодня утром и вчера вечером, но сомневалась, что он все запомнил. Он закатил глаза, словно она выдала ему самое глупое из всех возможных объяснений.

«Почему нельзя сказать правду? — спросил он. — Тут нет ничего постыдного».

Но это постыдно. Любое поражение постыдно. И как ни крути, неспособность забеременеть относится именно к этой категории.

«Многие люди берут отпуск, когда занимаются такими вещами», — добавил Чарли.

А это уже неправда. Джорджия стала первой в компании, кто взял отпуск для планового ЭКО¹. Шесть недель за свой счет, заполненных самыми жуткими из всех возможных инъекций, сканированием и инвазивными процедурами, а в результате — раздавленная надежда. Разумеется, на самом деле никто не рассчитывал, что кому-то взбредет в голову воспользоваться льготой, просто это хорошо звучит, как дополнительный бонус для блестящих юных выпускниц. И уж конечно, вряд ли кто-то предполагал, что о своем праве на такой отпуск заявит женщина из административного отдела, которую очень легко заменить.

Тем не менее она это сделала. Джорджия записалась на разговор со своим тысячелетним боссом, напомнила ему о существовании льготы, спокойно объяснила ситуацию и объявила, что наймет человека, который сможет заменить ее на время отсутствия. Оставила начальника в сильном недоумении, но лишившимся иллюзий — она получит свой отпуск, нравится ему это или нет. Но казалось, никто не нашел способа обойти очевидную проблему: если возвращаешься обратно, не забеременев, все начинают смотреть на тебя так, точно вся твоя семья погибла во время пожара. Впрочем, Джорджия отказывалась думать на эту тему.

Может быть, она могла бы поделиться своей проблемой с Лилой, и не исключено, что разговор получился бы вполне себе приятным — Брир способна ее понять. У нее есть ребенок, она знает, что такое мечтать о беременности. И ей можно доверять, пока она остается трезвой. Но нет никаких гарантий, что не выболтает все Нэнси.

Джорджия постаралась не морщиться, когда подруга водрузила огромную кожаную сумку на приставной сто-

¹ Экстракорпоральное оплодотворение, то есть искусственное.

лик, сбросила туфли-балетки посреди комнаты, направилась к другому концу кухни, даже не остановившись, чтобы присесть, достала из шкафа бокал и вытащила бутылку вина из двойного холодильника. Хозяйка позволила себе внутренне облегченно вздохнуть. Ее тревоги о том, что Лила покажет себя с лучшей стороны и подтвердит опасения Нэнси о том, что Джорджия преувеличивает ее проблемы, оказались безосновательными.

— У тебя такой большой холодильник, — заметила гостя, стоя перед открытой дверцей и приложив бокал к губам. — Ой, хлеб! Ты теперь ешь углеводы?

Джорджия не сомневалась, что Лила знает ответ на свой вопрос, но это была их обычная практика, которую они придумали для того, чтобы забыть первый год, проведенный вместе в школе, — с тех пор прошло почти двадцать лет.

— Нет. Хлеб для Чарли.

— Значит, ты все еще их не употребляешь?

— Иногда я могу съесть несколько ягод или немного греческого йогурта, но в целом — нет. И я по ним не скучаю, — солгала Джорджия.

— А как насчет пиццы? — порнографическим голосом спросила Лила. — Разве ты не скучаешь о пицце?

Джорджия знала, что за последние десять лет подруга ни разу не ела пиццу. Она могла откусить от куска Ру, когда сидела у него на коленях и говорила тоненьким голоском, пытаясь выглядеть привлекательной, но шансы на то, что значительное количество ядерных углеводов могло проскользнуть между ее губ, колебались от минимальных до нулевых.

— Да, я скучаю по пицце, — уступила Джорджия. — И я скучаю по тебе. Сожалею, что была занята.

— Все в порядке, — сказала Брир, глядя в пол. — Просто сейчас происходит столько всего. Иниго не спит, Ру помешался на работе, а я много думала о...

— Мне казалось, сейчас с Иниго стало легче? — перебила Лилу подруга, не желая услышать конец предложения. Во всяком случае, до прихода Нэнси. — Когда мы обедали у тебя с Хендерсонами, ты говорила, что он ведет себя безупречно, — продолжила она.

Странный был обед, если подумать. Лила открыла им дверь с красными глазами и фальшивой улыбкой и, не умолкая ни на минуту, рассказывала, какой замечательный у нее сын. Она подала тепловатый суп и слишком сухого цыпленка, а потом Ру заявил, что ему позвонили с работы. Они разошлись по домам в одиннадцать со словами, что прекрасно провели время, но ужасно хотели вернуться домой и сделать вид, что никуда не ходили.

Брир выдвинула один из кухонных стульев и уселась на нем, как на острове. Ножки стула неприятно заскрипели по каменным плиткам пола, и Джорджия вновь постаралась не морщиться.

— Боюсь, мы поторопились с выводами, — ответила Лила, доливая вина в бокал. Если она напьется к тому моменту, когда появится Нэнси, виновата будет Джорджия. Как типично для Нэнси — сбежать в Бостон на десяток лет и оставить ее в ответе за Лилу. — По большей части он ведет себя как маленький ублюдок.

Хозяйка рассмеялась. Наблюдая за тем, как подруги производят на свет потомство, она научилась не выглядеть шокированной, когда они называли своих детей ублюдками.

— Сейчас он с няней? — спросила Джорджия.

— С приходящей няней. Анна уволилась. Я не думаю, что мы сумеем найти ей замену.

— В самом деле?

— Да, Ру говорит, что это не имеет смысла. В последнее время я не так много работала, да и платили мне немного, поэтому он считает, что мне лучше оставаться дома с Иниго — так дешевле и удобнее.

Между женщинами повисло молчание. Вопрос «А чего хочешь ты сама?» казался вполне естественным, но супруги Брир сами должны были решать, как растить своих детей, и если честно, из Лилы так и не получилось хорошей стилистки. Несколько клипов, пара музыкальных записей для не слишком известных певцов. Ничего особенного. Иными словами, у нее не было причины уходить из дома и не видеть, как растет ее сын. В любом случае, как только Джорджия забеременеет и родит ребенка, они смогут разделить заботу о детях.

— Я думаю, это замечательно, — решительно сказала хозяйка. — Могу спорить, большинство матерей тебе позавидуют, ведь ты сможешь постоянно находиться дома с Иниго. И очень скоро у тебя появится еще один ребенок, разве не так?

Лицо Лилы изменилось, словно ее ткнули пальцем в синяк.

— Ты чего? — удивилась Джорджия.

— Ничего. — Взгляд гостя опустился на бокал с вином.

— Я не имела в виду ничего такого, просто... Иниго уже почти три года, и я решила, что ты подумываешь о следующем ребенке.

Брир встала, опустив ноги с двух сторон от стула, и потянулась к стойке, где лежал телефон Джорджии. Экран загорелся, когда она нажала на кнопку в нижней части дисплея. Хозяйка ощетинилась, увидев такое вторжение в свою личную жизнь, но промолчала. Сейчас не было никакого смысла ругаться — слишком рано.

Гостья взяла телефон и указала на время.

— Ты переделась?

Джорджия хотела продолжить расспросы, чтобы получить подтверждение того, что Лила и Ру больше не хотят детей. Но момент был упущен.